

Два события из жизни Господа нашего Иисуса Христа.

III. Воскрешение Лазаря с его последствиями

Горестное положение вифанских друзей Иисусовых. – Нерешительность веры сестер Лазаревых. – Чудо воскрешения. – Совецание по сему случаю синедрiona с его решением. – Удаление Иисуса Христа в Ефраим. – Мнение о Нем народа. – Вечера в доме Симона прокаженного.

Дом вифанского друга Иисусова не был уже теперь тем мирным убежищем, в котором Он со учениками Своими не раз уклонялся от шумного и враждебного Иерусалима; место прежней тишины и довольства, которыми наслаждалось добродетельное семейство, заступили теперь скорбь и слезы о потере, столько же непредвиденной и вознаграждаемой, сколько драгоценной. Лазарь умер вскоре после того, как посланные возвратились от Иисуса; смерть его была ничем вознаграждаемой потерей для его сестер, которым он заменял собой родителей. Чем более он был любим, тем более сокрушались у его гроба. Тайственное обещание Господа – явить в болезни Лазаря Свою Божественную славу – не было понято, а потому и не могло доставить

утешения, в нем заключавшегося. Когда вспоминали воскрешения юноши наинского ([Лк. 7, 11–15](#)) и дочери Иаировой ([Мф. 9, 18](#); [Мк. 5, 22](#)), совершенные Иисусом в Галилее, то луч надежды мог мгновенно озарять сердца, омраченные скорбью, но эта надежда тем более ослабевала, чем долее Лазарь продолжал лежать во гробе, а Иисус медлил. Признаки совершенного разрушения, обнаружившиеся в бездушном трупе, побуждали оставить и последнюю надежду видеть его снова одушевленным; и теперь, спустя четыре дня после смерти Лазаря, Иисуса, по-видимому, уже не ожидали в Вифанию, полагая, что если Он и зайдет утешить друзей Своих, то перед самым праздником, когда будет идти в Иерусалим, или после него, при Своем возвращении в Галилею.

Между тем, дом Лазарев представлялся многолюднее, нежели когда-либо. По древнему обыкновению иудеев, отчасти сохранившемуся до сих пор, родственники, друзья и знакомые умершего должны были в продолжение семи дней после кончины навещать его дом, доставлять утешение осиротевшему семейству и участвовать в печальных обрядах, которые оканчивались не раньше восьмого дня. Число таких утешителей было теперь весьма велико уже потому, что дом Лазарев почитался между значительнейшими домами в Вифании. Кроме того, Лазарь своими добродетелями и дружелюбием невольно привлекал к себе общее уважение и любовь, которые, как известно, никогда не обнаруживаются с такой живостью, как после смерти лица уважаемого. Между посетителями находились многие из иерусалимлян, и притом из людей высшего сословия, едва ли даже не членов синедриона, потому что Евангелист Иоанн под общим названием иудеев (которое употреблено в настоящем случае) почти всегда понимает старейшин и начальников иудейских. Чтобы тем вернее исполнить долг любви и дружбы, а вместе соблюсти обычай, некоторые из иерусалимских посетителей оставались в доме Лазаря на всю печальную седмицу.

О знакомстве умершего с Иисусом мог знать всякий, но что Иисуса нарочно приглашали к болящему другу, а равно и о таинственном ответе Его и замедлении в пути, по-видимому, не было известно посетителям; скромность сестер Лазаревых не позволяла открывать этих обстоятельств, которые весьма легко могли быть перетолкованы в неблагоприятную сторону для Иисуса Христа, для них самих и умершего брата.

Слух о Божественном Учителе и Чудотворце всегда предварял приход Его. Марфа (вероятно, выйдя из дома по нуждам домашним, которыми она особенно занималась ([Лк. 10, 38–42](#))), первая услышала, что Иисус приближается к Вифании, и тотчас, не заходя в дом, чтобы уведомить сестру, поспешила навстречу Ему тем путем, по которому надлежало

идти Господу. Он находился еще вне селения, когда печальная Марфа пала к ногам Его. При виде всемогущего друга в душе ее невольно со всей живостью пробудилась мысль: как было бы все иначе, если бы Иисус пришел в надлежащее время, то есть, когда Лазарь еще был жив. «Господи, **аще бы еси zde был, не бы брат мой умер! Но**», – продолжала Марфа, желая исправить мысль свою и показать, что ее вера в Учителя не изменилась, – «**но и ныне вем, яко елика аще просиши у Бога, даст Тебе Бог!**» Оставалось досказать: «и что Ты можешь воскресить брата». Но скромность, по замечанию блаженного Августина, не позволяла обнаружить это желание, ибо откуда, продолжает он, знала Марфа, что брату ее полезно воскреснуть? Потому-то и сказала просто: знаю, что можешь; если хочешь, сделай; ибо Тебе одному известно, должно ли сделать».

«**Воскреснет брат твой!**» – отвечал Господь – как бы в оправдание медленности Своего прихода. Величественная простота и спокойствие, с какими произнесены слова эти, должны были вдохнуть надежду в душу Марфы, убитую печалью.

Но для нее само это спокойствие было безотраднo, с последними словами ее излился уже, так сказать, весь остаток ее надежды. Мысль, что Господь просто и так внезапно обещает ей чудесное воскресение брата – четверодневногo, смердящего мертвеца, – была выше ее воображения; сердце искало для слов Учителя обыкновенного и ближайшего смысла, который не требовал бы новых усилий веры. Смысл тот представлялся сам собой, ибо выражение – «воскреснет», употребленное Иисусом, у иудеев постоянно означало будущее всеобщее воскресение мертвых. На этом-то воскресении остановилась скорбная мысль Марфы. «**Вем**», – отвечала она с некоторым прискорбием и как бы сухостью, – что воскреснет – «**в общее воскресение, в последний день**».

Явно было, что сердце Марфы, пораженной скорбью, имеет нужду в сильном движении, чтобы пробудиться от безнадежности. И Господь начал вещать к ней тем возвышенным языком, который приличествовал только Сыну Божьему, «**имеющему жизнь в Самом Себе**» и могущему даровать ее кому и когда угодно.

«**Я есмь**», – продолжал Иисус, – «**воскресение и живот! Веруй в Мя, аще и умрет**» (телесно), «**оживет, и всяк живой и веруй в Мя, не умрет во веки**». (Ибо смерть телесная, которой подвергаются верующие, не есть собственно смерть, а только перемена бытия худшего на лучшее). «**Емлещи ли веру сему?**»;

Такое требование безусловной веры заставляло ожидать от Требовавшего чего-то необыкновенного. Казалось, Иисус Христос хотел внушить, что для Него не нужно никакого условия, чтобы

получить что-либо от Бога (как говорила Марфа), – что Он Сам есть источник всех благ и всех даров.

Марфа чувствовала, что ею сказано нечто не так; видела, что Господь не совсем доволен ее словами; не знала, на что именно нужна ей вера и чего ей должно ожидать от Господа, но напоминание о вере было чувствительно для сердца нежного; им предполагалось в ней сомнение о достоинстве Учителя, которое она почла бы для себя величайшим несчастьем. Это как бы пробудило ее. «Ей, Господи, – воскликнула она, – я всегда верила и теперь верую, что Ты Христос, которому надлежало придти для спасения мира!»

Справедливо замечено еще отцами Церкви, что после исповедания Иисуса Сыном Бога живого (Мессией), которое произнес некогда Петр, еще никто не исповедовал Его с такой силой обетованным Мессией и Спасителем мира, как делает теперь Марфа. Но несмотря на живость и искренность ее веры, мысль о воскресении брата, которую именно хотел возбудить в ней Господь, и теперь осталась для нее чуждой. Она могла ожидать от Господа всего, – только не возвращения своей потери, которую почитала невозвратимой. Таково свойство тех, которые долгое время колебались между надеждой и страхом и наконец предали печали: истощенное сердце становится бесчувственным; как прежде, когда оно еще могло надеяться, все ободряло и питало его, в чем человек с холодным размышлением не нашел бы для себя никакого ободрения, так после ничто не может его воодушевить. Поэтому не должно удивляться, если Марфа как бы противоречит самой себе; и начав верой, когда Иисус Христос еще не подал признака надежды, потом, несмотря на явные намеки на предстоящее чудо, представляется безутешной и непонимающей. Сердцу, пораженному скорбью, такие противоречия весьма естественны: и в Марфе верующей, колеблющейся, недоумевающей видим изображение всех страдальцев. Впрочем, и последние слова Господа при всей их разительности и способности возбудить надежду на воскрешение Лазаря заключали в себе довольно темноты, чтобы служить испытанием веры. Безутешной Марфе могло казаться, что Учитель преподает ей наставление о том, что всякому верующему в Него не должно заботиться о земном и временном, ниже о самой жизни и смерти, потому что его ожидает блаженство вечное, перед которым временные потери и страдания ничего не значат.

Господь не сказал ничего на слова Марфы, хотя разговор казался еще неоконченным. Смущенная Марфа не могла не почувствовать, что гораздо лучше было бы, если бы при ней находилась сестра ее, которая, чаще беседуя с Господом, привыкла понимать Его возвышенные беседы. Тем приятнее было, когда Учитель, как бы желая вывести ее из

замешательства, велел идти домой и пригласить Марию. Сам Он не пошел в дом их, скорее всего, потому что иначе пришлось бы снова возвращаться на гроб Лазаря, который, по обыкновению иудеев, находился вне селения. Но Марфе представилось, что Ему неудобно появляться в многочисленном собрании иудеев, находившихся с Марией. Потому, придя домой, она тайно от гостей сказала сестре, что Учитель (так называли они своего Божественного Друга, Который всегда поучал их чему-нибудь) здесь и зовет ее.

Мария немедленно последовала за сестрой, не сказав никому, куда она идет и зачем.

Иисус оставался на том же месте, где встретила Его Марфа, отдыхая от пути и занимаясь беседой с учениками.

Первая мысль, возникшая в Марии при взгляде на своего Учителя, была та же самая, которая обнаружена Марфой. «Ах, Господи!» – воскликнула она, упав к стопам Его, – «если бы Ты был здесь, брат наш не умер бы!» В этом восклицании выражалась вся полнота ее чувствований – и прежняя надежда, и настоящая безутешность, и любовь к брату, навсегда потерянному, и уважение к Учителю, нечаянно явившемуся. Более ничего не могла она сказать: одни слезы свидетельствовали о том, что происходило в ее сердце!

Иисус Христос еще не начал Своей беседы с Марией, как явилось перед Ним все печальное общество иудеев, находившихся в доме Лазаря. Как только Мария по первому знаку сестры оставила их, им пришло на мысль, что она пошла на гроб брата, чтобы там снова предаться слезам. Не идти за ней казалось неблагопристойностью. Но выйдя из селения, они, к удивлению своему, нашли ее у ног Иисуса. Взгляд на первое свидание друзей и знакомых после того, как одни из них потерпели какую-либо великую потерю, всегда имеет в себе нечто трогательное. Величие Иисуса, о Котором все думали, что Он повелевает природой, слабость и беспомощность осиротевших сестер, которые, обливаясь слезами, искали у ног Его утешения, еще более усугубляли эту трогательность. Из иудеев многие не могли удержаться от слез; других побуждало к тому же само приличие: все молчали и все плакали!

Любвеобильное сердце Иисуса всегда было исполнено сострадания к страждущим. Мы увидим, что один взгляд на Иерусалим, одно представление бедствий, грядущих на его жителей, будут для Него причиной слез. Теперь все располагало к скорби – и мысль о бренности естества человеческого, и воображение друга, который лежит бездыханным во гробе, и вид плачущих сестер, которые ожидали, но еще не получили от Него помощи. Между тем невнимание к словам Иисуса Христа, которыми Он хотел возбудить веру, злонамеренность некоторых из иудеев, которые становились свидетелями величайшего

из чудес, Им совершенных, самый недостаток веры в друзьях Своих, когда она особенно была необходима, – невольно возбуждали горестное чувство... «Огорчися духом и возмутися». «Где вы положили его?» – сказал Он наконец тоном, который показывал, что говорящий гораздо более чувствует, нежели говорит.

«Господи, пойди и посмотри», – отвечала одна из сестер. В настоящем положении и то уже казалось утешением, чтобы вместе с Учителем и другом посетить гроб брата. Новые потоки слез показывали, как нужно теперь утешение.

Такое положение сестер могло тронуть всякого. Мог ли не сочувствовать им Иисус? Совершенная уверенность, что Лазарь скоро будет Им воскрешен и слезы плачущих друзей будут отерты и пременены на радость, не препятствовала отдать долг природе человеческой. Сердце истинно человеколюбивое не может не скорбеть со страждущим, хотя готовит ему полную отраду. Самая радость, особенно, если она следует за огорчением и как бы борется в душе с печалью, любит выражаться в слезах. Иосиф, плачущий при свидании с братьями, служит тому трогательным примером.

«Прослезися Иисус!». «Смотри, как Он любил его», – говорили иудеи, идя вслед за Иисусом. Слезы Его для них были чем-то необыкновенным: между тем как во всяком другом недостаток их показался бы теперь необыкновенным. Если такой великий Пророк, думали, Который не печется ни о чем земном, не возмущается ничем плотским, весь живет в Боге, если Он плачет, то предмет, им оплакиваемый, должен быть крайне дорог Его сердцу. «Но, – шептали другие, вероятно, не совсем расположенные к Иисусу, – Тот, Кто отверз некогда очи слепому, не мог ли сделать, чтобы друг Его не умер? Если не хотел, зачем теперь так скорбит? Если же хотел, для чего не спешил на помощь? Больного может исцелить каждый врач, а возвратить зрение слепорожденному никто не может. Что же случилось с Его чудотворной силой? Ужели ее нет для одной дружбы? – Такой язык свидетельствовал, что эти люди едва ли не сомневались и в чудесном исцелении слепорожденного и припоминали о нем единственно для того, чтобы иметь теперь возражение против чудодейственной силы Иисуса Христа.

Для Господа, сердце Которого весьма болезновало уже о печальном положении друзей Своих, такое неверие иудеев было тем чувствительнее. Слезы не струились более из очей Его, но по взорам и движениям обнаруживалось, что душа Его сильно страдает.

Пришли на гроб. Это была высеченная в скале пещера, устье которой заваливалось камнем, чтобы погребаемые тела не сделались добычей плотоядных зверей. Таковы были гробы всех богатых людей в

Палестине. Почва, усеянная небольшими каменными скалами, благоприятствовала этому обычаю; а пример Авраама и других праотцов, которые все погребены были в подобных пещерах, располагал поддерживать его во всей силе.

Никто не ожидал чуда. Думали, вероятно, что Иисус хочет только видеть место, где лежат бездыханные останки друга, отдать ему последнюю дань слезами и потом преподать утешение сестрам. Тем удивительнее было, когда Он велел отвалить заграждавший вход камень по обычаю, сделавшемуся почти законом, почитался неприкосновенным и который отваливали только в случае особенной необходимости. Для внимательной Марии и подобных ей такое поведение могло служить предвестием чего-либо чудесного; но заботливой Марфе, которая привыкла смотреть на вещи проще, отваливание камня показалось даже неуместным; она почла нужным предупредить Учителя, что исполнение Его приказания соединено с неприятностью: «Господи, уже смердит: ибо четыре дня, как он во гробе!»

Это было последнее усилие маловерия. «**Не рех ли ти**», – отвечал Господь, – «**яко аще веруеши, узриши славу Божью!**»;

Камень тотчас отвалили. Стоявшие ближе к устью пещеры могли видеть обвитый погребальными пеленами труп, который уже начинал разлагаться. Но взоры всех более устремлены были на Иисуса: каждому хотелось знать, что Он будет делать; ибо не напрасно, думали, заставил Он отвалить камень.

В положении, подобном настоящему, Сам Иисус еще никогда не находился. Весьма часто совершая чудеса, Он совершал их, так сказать, между делом, то есть проповедью о спасении человеческом. Чем они бывали разительнее, тем менее искал Он свидетелей и даже запрещал иногда рассказывать о них. Теперь надлежало совершить самое великое чудо, и совершить – всенародно! Обстоятельства служения Его требовали именно подобного чуда и знамения. Ибо благотворное впечатление в уме народа от прежних чудес Иисусовых, совершенных в Иерусалиме (где Он, впрочем, гораздо менее творил их, нежели в Галилее), могло ослабеть частью с течением времени, а еще более от злонамеренных толков фарисейских. С другой стороны, для друзей и почитателей Иисусовых предстояло теперь самое великое искушение – в Его страданиях и смерти, от которого неукрепленная вера могла пасть. Надлежало поэтому новым решительным чудом оживить в уме народа память о прежних знамениях и даровать ученикам и последователям Своим твердую опору веры и залог надежды. Настоящее время, место и другие обстоятельства совершенно благоприятствовали этому. Никогда чудо не могло произвести

большого впечатления, как теперь, будучи совершенно близ Иерусалима, в присутствии многих из его жителей, – перед праздником Пасхи, когда святой град наполнен был иудеями со всего света, и следовательно, все, в нем случившееся, могло вскоре сделаться известным всюду, где только были иудеи.

«Возвед очи к небу», – туда, где всегда было сердце Его, – "Отче, – сказал Богочеловек, – благодарю Тя, яко услышал еси Мя; Аз же ведех, яко всегда послушаеши Мя; но, народа ради, стоящего окрест, рех, да веру имут, яко Ты Мя послал еси. Сказав сие, Иисус воззвал гласом велиим: «Лазаре, гряди вон!»;

При этом гласе четверодневный мертвец тотчас встал и вышел из гроба – в том самом виде, в каком положили его во гроб, – с лицом, обвязанным убрусом, по рукам и ногам обвитый погребальными пеленами. Сила, разрешившая узы смерти, разрешила действие и этих преград. Господь повелел однако же снять пелены и развязать лицо.

Столь внезапное, чрезвычайное чудо должно было произвести не удивление только, но и ужас. Перед очами всех стоял живым тот, кто за мгновение перед тем находился в другом мире, которого самые ближние не прежде надеялись увидеть, как в последний день на всемирном суде! Можно ли было смотреть на Лазаря и не веровать в Иисуса? Многие из иудеев, тут находившихся, действительно уверовали в Него. Но были и такие, которые самым опытом доказали истину слов Спасителя: «Аще кто из мертвых воскреснет, не имут веры». Вместо того чтобы остаться долее в доме Лазаря, разделить общую радость и насладиться беседой и лицезрением Сына Божьего, погибельные люди сии поспешили в Иерусалим, чтобы уведомить скорее первосвященников и книжников о том, что случилось в Вифании. Таким образом, величайшее из чудес и следовательно, священнейшее из действий Богочеловека для тех людей с сожженной совестью послужило, может быть, случаем высказать приверженность свою к какому-либо знатному фарисею!

Здесь как бы прерывается нить повествования Иоаннова. Он не говорит ничего более ни о первых чувствах и выражениях воскресенного Лазаря, ни о радости и восторгах сестер его; умалчивает даже о том, чем кончилось это трогательное зрелище и был ли Иисус в доме Лазаря; уже – по соображению – находим, что Господь с учениками Своими, скоро оставив Вифанию, удалился в один из смежных уединенных городков. Краткость удивительная! Там, где писатель, водимый собственным воображением, дал бы ему всю волю, почел бы за долг показать, что он умеет понимать великое, трогаться дивным и сообщать свои переживания другим, – там писатель, движимый Духом Божьим, «глаголющий не в наученных человеческия

премудрости словесех» ([1Кор. 2, 13](#)), молчит, не заботясь о том, что его рассказ может показаться неполным. Между тем, он полон, цель достигнута, предсказание Иисуса исполнилось, в воскрешении Лазаря открылась Его Божественная слава; этого довольно: остающиеся подробности при всей занимательности их для ума и воображения ничего не значили в очах писателя, целью который было, дабы читающие веровали, яко «Иисус есть Сын Божий», и веруя, наследовали во имя Его жизнь вечную ([Ин. 20, 31](#)).

Из трех прочих евангелистов ни один не упоминает о воскрешении Лазаря. Причина этого открывается сама собой, коль скоро обращаем внимание на свойство и цель их повествования. Из всего видно, что евангелисты не имели намерения описывать всех деяний Иисуса Христа: каждый, сообразно со своей частной целью (главная цель – породить веру в Иисуса Христа – была у всех одна), избирал известные деяния и беседы Его; оттого находим, что у евангелистов есть сказания, им всем общие, и у каждого есть нечто такое, чего нет у других. В частности, Матфей, Марк и Лука, как видно из их Евангелий, занимались более описанием тех деяний Иисуса Христа, которые совершены Им в Галилее; о последних событиях – от праздника кущей до последней Пасхи – они ничего не говорят. Напротив, св. Иоанн повествует более о том, что Иисус Христос совершал в Иудее, и особенно о том, что происходило от праздника кущей до последней Пасхи. Поэтому, как прочим евангелистам весьма удобно было не упомянуть о воскрешении Лазаря, так св. Иоанну нельзя было умолчать о нем. Для доказательства, что Иисус Христос воскрешал мертвых, могли служить другие чудеса, совершенные Им в Галилее; и действительно – у св. Матфея ([Мф. 9, 18](#)) и Марка ([Мк. 5, 42](#)) описано воскрешение дочери Иаировой ([Лк. 8, 41](#)), а у св. Луки – воскрешение юноши Наинского. Иоанн, напротив, имея более в виду Иудею, уже не упоминает об этих чудесах, довольствуясь воскрешением Лазаря, которое он излагает особенно подробно.

Довольно правдоподобна также мысль некоторых, что Лазарь находился еще в живых, когда первые три евангелиста описывали деяния Иисуса Христа и что поэтому упомянуть о его воскрешении значило бы подвергнуть его новым гонениям со стороны иудеев, которые и без того хотели его умертвить. А св. Иоанн, как известно, писал Евангелие свое весьма поздно, когда Лазаря, как можно полагать, не было уже в живых, – и, следовательно, не было причины для подобных опасений.

Присовокупим нечто из древних преданий к сказанию евангельскому. Лазарю было около 30 лет, когда он воскрешен из мертвых, и столько же почти лет прожил он после того. По воскресении своем он будто

вопросил Господа: должно ли ему будет умереть в другой раз? Образ жизни и поступков воскресшего Лазаря был так строг, что никто не видел на лице его улыбки; много вместе с сестрами своими он содействовал распространению веры христианской и скончался епископом Массилийским на острове Кипр.

На первосвященников и фарисеев известие о новом вифанском чуде Иисуса Христа произвело такое же действие, какое испытал Ирод при ужасном для него слухе о рождении царя Иудейского. Честолюбие их давно не предвидело для себя от нового Чудотворца ничего, кроме опасностей, но воскрешение Лазаря показалось им объявлением открытой войны. В смущении и растерянности немедленно собран верховный совет ([Ин. 11, 47](#)) не с тем, чтобы рассуждать о божественности нового чуда (Анна, Каиафа и им подобные едва ли верили чудесам, а если и верили, то давно предположили, что чудеса Иисуса не от Бога), но чтобы с общего согласия определить, как удобнее остановить Его успехи, предотвратить дальнейшее действие их на народ и таким образом спасти свою власть и выгоды. Анна с Каиафой, в чьих руках была вся сила, конечно, предварительно были уверены, что собрание не сделает ничего больше, как только последует их мнению; они могли бы привести в действие против Иисуса собственные свои средства, не опасаясь ответственности перед своими сочленами; но им хотелось в таком опасном деле, которое могло вести к народному возмущению, действовать от имени всего синедриона, иметь на своей стороне общий голос: обыкновенная хитрость людей, которые не хотят обнаружить своего самовластия, хоть тайно все направляют к своим целям, даже своих противников.

Мы заметили, что в синедрионе с самого начала в отношении к Иисусу Христу было два мнения: значительнейшая часть членов, состоя из фарисеев, саддукеев и книжников, явно враждовала против Него; другая, гораздо меньшая, но самая лучшая по своим добродетелям, заметно благоприятствовала Ему. Теперь, когда рассуждениям касательно Его надлежало принять тон более решительный и окончательный, когда дело начинало идти уже не только о Его учении, но о Его жизни и смерти, – разногласие членов должно было обнаружиться в самой высшей степени. Так действительно и было, как видно по ходу дела, хотя евангелист Иоанн, по краткости своей, и не говорит об этом прямо и подробно...

Голоса врагов Иисусовых, по самой многочисленности их, естественно, были громче и сильнее в синедрионе. Чтобы достигнуть своей цели – склонить собрание к мерам насильственным, старались как можно сильнее изобразить мнимую опасность положения, в котором будто бы находилось отечество и синедрион ([Ин. 11, 48](#)). Для этого охотно

признавались в том, что в другое время было бы нестерпимым унижением для гордости фарисейской, – то есть что большая часть народа явно или тайно благоприятствует новому Пророку и Чудотворцу Галилейскому и что меры, доселе против Него употребляемые, не принесли никакого успеха ([Ин. 11,47–50](#)). Будущее изображали в чертах, еще ужаснейших. «Не явно ли, – рассуждали с видом беспристрастия, – что гроб Лазаря угрожает гибелью отечеству? – Столь необыкновенное чудо, совершенное в такой близости от Иерусалима перед самым праздником Пасхи, в присутствии многочисленных свидетелей, без сомнения, совершено не без цели; оно – и вот тайная цель его! – должно оказать чрезвычайное действие на весь народ; теперь и не слепой скажет: если бы Он не был от Бога, то не мог бы творить таких чудес ([Ин. 9, 33](#)); толпа за толпой, все перейдут на сторону Чудотворца; синедрион останется с пустыми знаками власти, которая будет находиться в руках Галилеянина, и главы народа Божьего должны будут ожидать милости и призрения от рыбаков генисаретских!.. Но собственное наше бедствие не ужасает нас: что будет с отечеством? Признанный за Мессию, Он, сообразуясь с желаниями народа, должен будет объявить войну римлянам; да хотя бы и не объявил, повелители света не унесут орлов своих, не растерзав их когтями всей Иудеи. Что же принесет война эта, которая будет стоять последних усилий для народа, и без того истощенного? Врагам нашим – новые победы; нам – новые поражения и оковы. Народ иудейский слишком слаб, слишком не подготовлен, чтобы спорить о победе с легионами кесаря; новый вождь слишком духовен и удален от земных дел, чтобы Его дух или мужество могли заменить недостаток действительной силы. Раздраженные победители света отнимут у нас и последние права, обратят в развалины все, что теперь есть лучшего, – храм и город; отягчат иго, которое и без того заставляет нас преклоняться до земли; и имя Иудеи может навсегда изгладиться из списка народов» ([Ин. 11,46–53](#)). Слыша такие суждения, можно было подумать, что это – отцы отечества, которые, забыв собственные выгоды, пекутся единственно о благосостоянии народа. Всего менее! Рим и отечество были только на языке, а в сердце – личная ненависть к Иисусу за Его обличения ([Мф. 15,14](#)), опасение потерять свои выгоды и права при новом порядке вещей ([Мф. 21, 38](#)), нежелание расстаться со своими нечистыми мечтами о Мессии, – которые, видимо, не подходили к Божественному лицу Иисуса, – привычка управлять обстоятельствами, а не подчиняться им. Кто знал истинное положение дел, тому патриотические суждения врагов Иисусовых, по необходимости, казались жалкими и неосновательными. Во-первых, Иисус Христос никогда не обнаруживал намерения быть земным

царем; Он постоянно избегал всех случаев, когда народ хотел воздать Ему царские почести ([Ин. 6, 15](#)). По отношению к римлянам Он всегда и словами, и примером располагал к безропотному повиновению существующим властям: дань кесарю, которой так тяготились мнимые патриоты иудейские, была, по Его учению, дань должная, вовсе не противозаконная ([Мф. 17, 24](#); Злат. бесед. на [Ин. 64](#)). Следовательно, опасение войны с римлянами из-за Иисуса Христа было совершенно напрасно. Между тем, что ложно приписывали Ему, в том именно были виновны враги Его сами: мысль свергнуть иго римлян, возвратить независимость народа, точнее, синедриона была любимой мыслью вельмож иудейских. Если бы новый Чудотворец был снисходителен к их порокам, сообразовался в учении Своем с предрассудками фарисеев, не уклонялся от дружелюбного общения с первосвященниками – дал явственно уразуметь, что Его будущее величие будет весьма полезно синедриону, то утвердительно можно сказать, что страх перед римлянами не удержал бы никого из тех, которые теперь всего страшались, что большая часть вельмож не замедлила бы объявить себя на стороне Иисуса как Мессии, что, вероятно, сам Анна с Каиафой с радостью воспользовались бы случаем – от имени человека, приобретшего любовь народную, прославившегося чудесами, – объявить войну против претории Пилатовой...

Признание, напротив, Иисуса Христа за Мессию – и только оно одно – могло избавить, как замечал Сам Богочеловек ([Лк. 19, 41–44](#)), народ иудейский от тех бедствий, которые угрожали ему со всех сторон. При этом надлежало бы только рассеяться мечтам о земном всемирном владычестве Мессии: но эти-то мечты, по свидетельству истории, и довели до гибели Иудею, побудив ее безрассудно восстать против римлян. Надлежало только потерять силу нелепым преданиям фарисеев, прекратиться пустым спорам книжников, окончиться бесполезным хитросплетениям совопросников. Но от этих-то зол и страдали вера, нравственность, гражданство, отсюда и брали начало все кровавые явления, которыми так богата история народа иудейского перед его падением. Надлежало наконец с признанием Иисуса за Мессию выйти из забвения древней чистоте и простоте нравов, прийти в силу истинной набожности, [религии](#) очиститься от суеверия, законам освободиться от пристрастных толков, умам получить лучшее направление, сердцам познать истинную любовь к Богу и ближним. Но в этой-то благотворной перемене и состояло бы духовно-нравственное возрождение народа иудейского, то изведение его из гроба, которое предвидел некогда пророк (Иезек. 37). К сожалению, все это сокрыто было от очей лжеучителей иерусалимских ([Лк. 19, 42](#)). Они опасались, по замечанию [блаженного Августина](#), потерять временное, нимало не

думая о вечном, и потому потеряли то и другое. Не будучи способны вникнуть в высокую цель действий Иисуса Христа, почувствовать и оценить превосходство Его характера и чистоту учения, понять простоту и вместе действенность средств, которыми Он хотел доставить, между прочим, земному отечеству Своему счастье и земное, ожидаемое от Мессии, – они судили о Нем и делах Его превратно, поверхностно, злонамеренно. Имея сами нечистые виды, никогда не действуя бескорыстно, для общего блага, думали, что и все действуют, подобно им, – ищут только своих выгод. При таком образе мыслей удаление и, в случае неуспеха в том, смерть Иисуса Христа представлялись вельможам иудейским необходимым средством избавить себя и отечество от мнимых опасностей. Всякая другая мера казалась слабой, неверной, а потому неблагоприятной ([Ин. 11, 53](#)) (Злат. Беседы на [Ин. 64](#)).

Благомыслящие члены синедриона, расположенные к Иисусу Христу, вероятно, должны были щадить покров лицемерия, принявшего теперь вид любви к отечеству; сорвать его явно значило бы вооружить против себя все полчище Каиафино. Оставалось, не касаясь источника мнений и опасений противников, предполагая их даже происходящими из любви к отечеству, – сражаться тем же самым оружием, показывая, что их основания не тверды, заключения не верны. Негодование первосвященника против разномыслящих, которое мы скоро увидим, не оставляет никакого сомнения в том, что в защиту Иисуса Христа сказано было немало ([Ин. 11, 49](#)). И чего нельзя было сказать в защиту Того, в Ком не было и тени греха? Между тем как злоешие книжники опасения свои, по необходимости, основывали на одних выдумках, друзья истины имели право ссылаться на дела и события неоспоримые. В опровержение нечистых намерений, приписываемых Иисусу Христу, могли указывать на божественную чистоту Его нравов, на Его высочайшую любовь к человечеству, на образ Его жизни, в котором невозможно было заметить ничего предосудительного. Именем человечества могли требовать, чтобы не осуждали Праведника, не рассмотрев беспристрастно, виновен ли Он в том, в чем Его подозревают ([Ин. 7, 51](#)); именем того же самого отечества могли умолять не спешить с осуждением Того, Кто имеет на Себе столько признаков Мессии, в Ком большая часть народа находит для себя величайшее утешение и назидание. Могли выставлять опасность заблуждения в том случае, если будет отвергнут истинный Мессия ([Деян. 5, 39](#)); могли даже напоминать о действии по совести, которая, без сомнения, каждому члену или говорила, или готова была сказать, что он действует неправильно, если действует против Иисуса.

Все таковые внушения проистекали сами собой из любви к справедливости, из уважения к законам Божеским и человеческим; а потому предлагавшим их не было нужды опасаться упрека, что их так заставляет говорить пристрастие к Иисусу, которое в настоящих обстоятельствах было бы врагами Его сочтено за измену отечеству. Но эта-то самая правота и бесстрастие одному из первосвященников, председательствовавших в собрании, показали недальновидностью, грубой простотой, приличной простолюдинам, а не членам синедриона. Дело Иисуса, по его мнению, было делом не совести и справедливости, а общественного порядка, при этом должно было смотреть не на что другое, а только на общественную пользу или вред. «Вы, – вскричал он как бы в некотором исступлении, – ничего не понимаете! К чему эти человеколюбивые умствования? Такая правдивость и чувствительность? Пусть Он будет совершенно невинен и праведен: но Его жизнь, как видите, несовместна с благоденствием общественным; и Он должен погибнуть!» Это жертва необходимости: ибо «**уне есть, да один человек умрет за люди, неже весь язык погибнет**» ([Ин. 11, 49–50](#)).

Евангелист, пересказывая последние слова Каиафы, замечает, что они изречены им не от себя, а по некоему вдохновению и что в них, без нарушения мысли первосвященника, можно видеть разительное предсказание о спасительной для всего рода человеческого цели смерти Христовой, ибо, продолжает евангелист, Иисусу действительно, по предопределению свыше, надлежало умереть не только за народ (иудейский), но и чтобы рассеянных чад Божьих (язычников, уже предназначенных к чадству Божьему) собрать воедино.

И такое прорицание вышло из уст первейшего врага Иисусова, Его убийцы!.. Вышло потому, как замечает святой Иоанн, что Каиафа был на то время первосвященником; а кому приличнее произнести суд о цене жертвы, как не первосвященнику? – «Каиафа, – по глубокому выражению одного пастыря Церкви, – прозвучал в этом случае, как колокол, в который на тот день надлежало благовестить». Луч как бы высшего озарения отразился на мгновение в мрачной душе саддукея, как луч солнца отражается в мутной и зловонной воде, не теряя своей чистоты и силы.

Изречением Каиафы окончились прения синедриона, и голос врагов Иисусовых взял решительный перевес. Лъстецы Каиафы, которыми был наполнен синедрион, даже не нарушая приличия, могли объявить мнение его как бы приговором самых небес, потому что между предметами тогдашней народной веры было и то, что [Бог](#) открывает иногда волю Свою через великого первосвященника. Искусный оборот, придуманный Каиафой, казалось, должен был без оскорбления

заставить молчать самых друзей Иисуса, если только они не хотели защищать Его явно, как друзья: с ними не спорили уже о Его невинности; требовали только пожертвование этим невинным человеком для блага общественного по той одной причине, что Он имел несчастье явиться на свет, так сказать, не вовремя и не у места ([Ин. 11, 53](#)). Определено немедленно объявить от лица синедриона, чтобы всякий житель Иерусалима, коль скоро узнает о пребывании где-либо Иисуса, немедленно объявлял о том своему ближайшему начальству ([Ин. 11, 57](#)), которое должно взять Его и представить синедриону.

Совещание синедриона с его кровавым определением не могло не сделаться вскоре известным Господу, хотя бы Он и не восхотел в этом случае пользоваться силой Своего Божественного всеведения, потому что между совещателями, как мы видели, находились давние, хотя тайные, ученики Его и последователи. Весть эта не содержала в себе ничего нового для Того, Кто видел все, и ничего печального и ужасного для Того, Кто с тем, как мы видели, и шел теперь в Иерусалим, чтобы принести Себя в жертву для спасения мира. Иисус Христос неоднократно свидетельствовал, что Он пламенно ожидает того великого часа, когда Ему, вознесенному на крест, можно будет сказать: «Совершишася!» Но благо учеников Его и последователей, благо веры, Им проповедуемой, благо всего рода человеческого требовало, чтобы Он уклонился теперь на время от преследований. Семя, долженствующее пасть на землю ([Ин. 12, 24](#)) (земная жизнь Богочеловека), было столь драгоценно и Божественно, что для падения его на землю надлежало избрать время самое приличное, место самое удобное, чего теперь, очевидно, недоставало. Ибо злоба врагов Его, вероятно, уготовляла Ему смерть тайную. И, может быть, предназначала Ему теперь пасть от руки какого-либо наемного зилота. Такая смерть вместо того, чтобы стать торжественным свидетельством истины, всемирной Жертвой, принесенной для спасения рода человеческого перед лицом неба и земли, потеряла бы свой величественный, всемирный, Божественный характер. И вот причины, – каждый чувствует их важность, – почему Иисус Христос, как замечает св. Иоанн, со времени воскрешения Лазаря «не хождаше к тому между иудеями яве» ([Ин. 11, 54](#); Злат. Бесед. на [Ин. 65](#)).

Чтобы быть до времени в большей безопасности, Иисус Христос удалился из самой Вифании, несмотря на приверженность к Нему ее жителей. Место это находилось слишком близко к Иерусалиму. Можно было ожидать, что с распространением слуха о воскрешении Лазаря любопытство привлечет сюда толпы народа, а вслед за ними подозрения и происки фарисеев. Между тем, Он не хотел Своим

пребыванием подвергать жителей Вифании неприятностям от синедриона.

Убежищем, на сей раз избранным, был городок Ефраим, лежавший в стороне между Вифанией и Иерихоном, возле дикой и страшной от разбоев пустыни Карантанской. В этой пустыне, как повествует предание, Господь приготовлялся сорокадневным постом к великому служению Своему. В тех же местах восхотел провести и последние дни, в приготовлении к Своей смерти. Здесь Он и ученики Его находились в совершенной безопасности, потому что местопребывание Его, вероятно, было известно только Его ученикам и небольшому числу друзей Вифанских.

Как отрадно еще раз, хоть на краткое время, видеть Божественного Учителя истины в таком месте, где Он, не стесняемый стечением народа, не возмущаясь кознями врагов, мог спокойно провести несколько дней в тишине и мире! Для Него всегда приятны были часы уединения и безмолвия (Лк. 4:42, 5:16), обыкновенно посвящаемые Им молитвенному собеседованию с Отцом или дружескому наставлению Своим ученикам. Теперь, с приближением страданий и смерти, такое уединение и безмолвие были еще нужнее и приятнее. Величественная суровость местоположения, вид безмолвной природы (Иисус Христос всегда любил обращать на нее внимание) совершенно согласовались с предметами, которыми занята была душа Иисусова. Если ученики Его предчувствовали важность наступающих событий, то и для них дни, проведенные в Ефраиме, были днями размышления, молитв и тайных великих ожиданий.

Евангелист не говорит о том, чтобы Иисус Христос поучал теперь чему-нибудь учеников Своих. Ефраимское уединение, кажется, было посвящено Им более Себе Самому, нежели ученикам. Впрочем, ближайшее общение с Учителем, воспоминание о всем прошедшем, особенно о последних событиях, были сами по себе уже весьма поучительны. Так бывало и прежде, что Иисус Христос прерывал на время Свои наставления. Вообще образование, данное будущим наставникам и просветителям рода человеческого, никак не состояло, как может подумать кто-либо, в систематическом поучении их высоким предметам веры. Нет! Оно походило более на обыкновенное, свободное общение отца с детьми, опытного наставника с юными друзьями. Господь нередко предоставлял учеников Своих самим себе, всегда позволял им действовать с полной свободой, как бы наедине, не входя прямо в их разговоры и прекословия: только постоянно наблюдал за ними, а по временам давал понять, что от Него не сокрыта ни одна их мысль, ни одно желание; что Его дух присутствует между ними и тогда, когда они считают себя наедине.

Между тем, в Иерусалим, по случаю приближения Пасхи, час от часу стекалось все более народа. Причиной преждевременного прибытия богомольцев были набожность и выгода; от желающих праздновать Пасху требовалось, на основании древнего обычая ([Исх. 19, 10](#)), особенное приготовление, которое в те времена состояло из различных очищений, поста и милостыни. Более набожные верили, что такого приготовления нигде нельзя совершить лучше, чем в Иерусалиме, перед домом Божиим, при помощи и наставлении фарисеев, потому и приходили для этого за неделю и более до праздника. Кроме того, иудеи, приходившие издалека, особенно египетские и вавилонские, привозили с собой различные изделия и произведения своих земель: продажа и мена их заставляла приходиться на праздник ранее и уходить позже обыкновенного. По этим и другим причинам святой град, в продолжение пасхального месяца, походил на сборное место всего тогда известного мира, особенно Востока.

Воскреситель Лазаря, естественно, был теперь предметом народной молвы и всеобщих разговоров. Все (исключая врагов Иисусовых) с нетерпением ожидали прихода Его во Иерусалим, хотя всякий видел, что исполнение его ожидания сопряжено с необыкновенной трудностью из-за грозного определения синедриона против Иисуса. Вообще в народе было тайное ожидание чего-то великого, необыкновенного, сильно пробужденное столь великим чудом, каким было воскрешение Лазаря, – с ним, казалось, воскресли все лучшие надежды Израиля. С другой стороны, видели, что верховный совет иудейский наполнен непримиримыми врагами Иисуса, готовыми употребить против Него и свои силы, и свое коварство. От этого невольно распространялось уныние и рождались печальные предчувствия тем более, что, по общему мнению, началу и открытию царства Мессии должны были предшествовать величайшие всеобщие скорби и злключения. Различные справедливые и несправедливые слухи и рассказы о Чудотворце, о чуде, Им произведенном, о предприятиях врагов Его и проч., – как это обыкновенно бывает в подобных случаях, – то усугубляли надежду на лучшие времена, то увеличивали опасения и недоумения. В решительные минуты, когда надлежало принять или отвергнуть своего Мессию, – народ иудейский более, чем когда-либо, уподоблялся овцам, не имеющим пастыря ([Мф. 9, 36](#)). Большая часть пастырей иудейских были не что иное как волки в одеждах овчих и почти все были против великого Пастыреначальника (Иоанна Предтечи, праведного Симеона и Анны, Вифлеемских пастырей, могущих свидетельствовать о истине и вразумить народ, теперь уже не было в живых). Одна только совесть в каждом, кто имел ее, говорила за Иисуса...

В таком волнении умов протекло несколько дней. Произвольное и неожиданное удаление Иисуса Христа от Иерусалима дало новое направление мнениям и сделалось новым предметом догадок. Многие из иноземных иудеев, слыжавших прежде беседы Иисуса Христа в Иерусалиме и имевших к Нему особенное уважение, не раз приходили в храм, думая обрести в Нем по-прежнему Божественного Учителя. Не находя Его, начали думать, что Он вовсе не придет на праздник ([Ин. 11, 56](#)). Такое мнение подтверждалось самой сокровенностью Его пребывания. Вообще, кто менее знал Иисуса, величие Его характера, неизменную преданность воле Отца Небесного, готовность принести Себя в жертву за спасение рода человеческого, тот самым положением вещей склонялся думать, что благоразумие заставит Его не являться в Иерусалим, по крайней мере, до того времени, как изменятся обстоятельства. С другой стороны, известно было, что Иисус Христос всегда приходил на праздники ([Ин. 20, 3, 8, 2:37](#)), особенно на Пасху, в Иерусалим; что Он для этого недавно пришел из Галилеи в Иудею. Самое чудо Вифанское казалось Его предтечей: произвести его близ Иерусалима и удалиться ни с чем казалось несообразным с порядком вещей и событий. Последняя мысль (хотя в другом смысле) заставляла, вероятно, и врагов Иисусовых полагать, что Он непременно придет на праздник. Для них трудно было представить, чтобы Вифанское явление не было началом других явлений и осталось без дальнейших последствий; чтобы Тот, Кто произвел его, отказался от плодов, которые воскрешение Лазаря должно было принести, доставив Ему всеобщее удивление и любовь народа, стекшегося на праздник. Поэтому фарисеи со дня на день становились деятельнее и внимательнее; многие – для того, чтобы прежде всех открыть приход Иисуса и донести о нем синедриону, показать себя патриотами и заслужить награду.

За шесть дней до Пасхи, как говорит св. Иоанн, Иисус действительно явился опять в Вифанию. Приход Его был празднеством для всего населения, особенно для Его почитателей и друзей. Один из них, именем Симон, прокаженный, которого Иисус Христос исцелил от проказы, – воспользовавшись покоем субботнего дня, учредил богатую вечерю для Его угощения. Гостеприимная Марфа уступила ему честь принять у себя Господа; но взяла на себя труд распорядиться угощением и служить при трапезе Иисусу. Уже то показывало величайшее уважение к Нему, что все это происходило близ Иерусалима, когда каждый израильтянин, под страхом проклятия и казни, должен был доносить верховному синедриону о местопребывании Иисуса. Общество состояло из учеников и друзей Его, которые были Им исцелены или получили от Него другое какое-

либо благодеяние. Воскрешенный мертвец также был в числе гостей, и на его лице, конечно, блистала радость, которой исполнены были все вечерявшие, но другая, свойственная тому, кто еще так недавно провел несколько дней за пределами этого мира. Все глубоко уважали и любили Иисуса, но для Лазаря Он был уже Господом жизни и смерти.

Никто не чувствовал живее радости тех минут, никто не признавал более обязанным себя этой радостью Иисусу, как Мария. С жизнью брата Господь как бы снова даровал ей самой жизнь. Чувствительное сердце ее горело желанием выразить свою признательность к Нему каким-либо особенным знаком. К удовольствию своему, она заметила, что дражайшему Гостю не оказана еще одна услуга: Он не помазан благовонными мастями, как то бывало иногда на богатых пиршествах. В доме ее оставался (вероятно, от погребения Лазаря), фунт народного чистого мира. Что может быть лучше, думала она, как употребить его в честь дражайшего Гостя? С этими мыслями она неприметно выходит из собрания и вскоре является с аливастровым сосудом, полным драгоценного благовония. Между тем как прочие вечеряли, она начала возливать миро на Господа. В таком случае обыкновенно помазывали только главу; но рукой Марии управляло не обыкновение, а глубокое благоговение и любовь; она возливала миро и на ноги Иисусовы и, не довольствуясь еще этим знаком величайшего усердия, отирала их вместо обыкновенного полотенца своими волосами ([Ин. 12,3](#)). Большой чести нельзя было оказать даже царю. Весь дом наполнился благовонием ([Ин. 12,3](#)).

Кто взирал на Господа такими же очами, какими взирала Мария, и умел отличать в действиях человеческих черты прекрасного и доброго, тому поступок ее был весьма приятен и полон особенной решимости, усердия, благоговения и трогательности.

Господь не говорил ничего Марии, но из самого молчания Его явствовало, что чистое намерение ее доставить Ему удовольствие достигнуто. Большой награды и не нужно было для сердца признательного. Все радовались, но эта общая веселость вдруг возмущена была неудовольствием, выраженным, сверх всякого чаяния, одним из учеников Иисусовых.

Прекрасный поступок Марии показался ему неуместной расточительностью, более приличной какому-либо пышному фарисейскому наставнику, любящему роскошь, а не его Учителю, Который любит простоту и не терпит излишества, далек от всякого вида роскоши и всегда восстает против жестокосердия богатых к бедным. Приличие требовало, по крайней мере, не обнаруживать подобных мыслей: Иуда, напротив (так назывался ученик), не замедлил высказать их тем из учеников, которые сидели подле него, а потом

простер дерзость свою до того, что начал вслух осуждать Марию. «К чему такая трата? – рассуждал он, – не лучше ли было продать это миро за триста (столько, по крайней мере, дали бы за него) динариев и деньги эти раздать нищим?» Такой благовидный предлог к упреку, по видимому, подействовал и на других учеников, и некоторые также возымели мысль, что если и дерзко замечание Иуды, то самое замечание сделано не без основания и в этом случае не противоречит собственным правилам Учителя и что вообще едва ли не было бы лучше, если бы с миром поступили так, как говорил Иуда ([Мф. 22, 8](#)).

Если ученики, осуждая сделанное Марией, нарушали некоторым образом долг уважения к ней, тем паче к своему Учителю, то это происходило в них не от злого намерения, тем более не от худого сердца, а от простоты, привычки изъяснять свободно перед Учителем все свои мысли, некоторой на этот раз неспособности оценить достоинство и, так сказать, сердечность поступка Марии, похвальной, но безвременной заботы о нищих, и следовательно, – увлечения примером Иуды, который по дерзости и наглости своего характера и не в этом одном случае мог увлекать своими мнениями прочих. Но в самом Иуде действовало теперь совсем другое; его мнимое сожаление о нищих происходило из самого нечистого источника... По поручению Учителя, а вместе с тем, по всей вероятности, вследствие собственного желания, он издавна был хранителем денег в малом обществе Иисусовом и носил для этого небольшой ящик, в который усердствующие клали, кто что мог ([Лк. 8, 3](#); [Мф. 22, 55](#)). Большая часть этих денег обыкновенно расходилась на нищих – через руки Иуды, который в этом деле не наблюдал никакой верности и многое брал себе. По свойству каждой страсти постепенно возрастать и усиливаться, когда ей дают пищу, корыстолюбие соделалось наконец неизлечимым недугом души Иудиной и владело теперь всеми его мыслями и желаниями. Оно-то и заставило его осуждать усердие Марии и говорить тем языком сострадания к нищим, который ему менее всего был сроден.

Триста динариев за миро были бы отданы Иуде, который поступил бы и с этими деньгами так же, как поступал с другими. Господь знал об этом несчастном состоянии души Своего ученика и употреблял, без сомнения, все средства к его исправлению: только не открывал прямо Своих мыслей о нем и не обличал его порока перед другими. При этой великодушной снисходительности бесстыдный ученик пользовался возможностью скрывать свое корыстолюбие и хищничество то под видом попечения о нищих, как теперь, то под другими, столь же благовидными предложениями. Без сомнения, и в настоящем случае низкий лицемер, изъясняясь столь дерзким образом, не думал через то сделать какую-либо неблагопристойность; надеялся, может быть, еще

заслужить одобрение за свою откровенность, мнимую прямоту характера и любовь к бедным, которая наблюдает их выгоды и тогда, когда другие почли бы за лучшее молчать.

«Чуткая» Мария тем больше должна была смутиться от нарекания Иуды, чем чище и возвышеннее было чувство, вызвавшее ее поступок. Ах, как холодно, беспощадно судили о том, что было плодом пламенной, чистейшей любви к Спасителю! Можно ли называть тратой почесть, оказанную Тому, Кто воскресил Лазаря? Все благоухания ливана ничтожны в сравнении с Его благодеянием. Но Мария могла только почувствовать свою правоту, а не защищать ее.

Господь благоволил сделаться защитником ее кротости. Обнаружение низкой страсти Иуды, его постыдного лицемерия, было бы самой действительной защитой и вместе справедливым наказанием для вероломного ученика, который омрачал присутствием своим святейшее общество будущих просветителей рода человеческого. И прочие ученики могли бы научиться из этого не полагаться без рассуждения на слова другого, сколько бы они ни были благовидны. Но Господь, по плану премудрости Своей, предоставив сыну погибельному идти своим путем до конца, пощадил и теперь гибельную тайну его сердца, сдалал вид, будто сожаление о мире проистекает у всех из одного источника – любви к нищим. «Что вы даете труд жене», – сказал Он (обратясь к ученикам, и особенно к Иуде). «Оставьте ю! Дело бо добро содела о Мне еже возможе, сотвори, предварив помазати тело Мое на погребение, нищия всегда имате с собою, и егда хотите, можете им добро творити, Мене же не всегда имате. Аминь глаголю вам, идеже аще проповестся Евангелие сие» (о Мне и смерти Моей) – «во всем мире, и еже сотвори сия, глаголано будет в память ея» ([Мк. 14, 3–9](#); [Мф. 26, 6–13](#)).

Такие слова не могли не произвести впечатления сильного, хотя оно и было различно. Кроткая радость блистала на лице скромной Марии: тот, кто хотел подвергнуть ее стыду и смущению, сам был пристыжен и смущен! Ее имя и деяние сделаются известными всему миру, соединятся навсегда с деяниями Иисуса! – «О, такую великую награду за столь малую услугу – за минутное смущение может даровать только Тот, Кто воскресил Лазаря, в деснице Кого – все!» Ученики, напротив, должны были крайне стыдиться, узнав, что они почитали напрасной тратой то, что служило приготовлением для их Учителя к смерти! Как неуместно представлялось после этого их сожаление о мире! Как неприятен был Иуда с его безвременной заботой о нищих!

Мысль о смерти Господа должна была дать беседе другое направление. Случайно, по-видимому, открыл Он судьбу, вскоре Его ожидающую, но это открытие тем было разительнее, резко контрастируя с общим

веселием. Взоры всех, и без того часто обращенные на Иисуса, теперь не отрывались от Его лица; каждый хотел прочесть на божественном лице Его, что это за погребение, о котором Он сейчас сказал? В самом ли деле Он так скоро должен умереть? Место веселости после этого необходимо заступали задумчивость и мрачность. Ученики снова слышали, что смерть их Учителя не воспрепятствует Ему, как думали, быть Мессией и Евангелию о Нем – сделаться известным и восторжествовать над всем миром. Как все это может совместиться? Это подавало новый повод к недоумениям и догадкам. Наступающая ночь проведена была в Вифании. На другой день Господь намеревался идти в Иерусалим.

IV. Торжественный Вход Иисуса Христа в Иерусалим, его цель и значение

Отправление двух учеников в Вифанию за осятем. – Усердие и любовь народа. – Слезы Иисуса и Его пророчества об Иерусалиме. – Вход во храм. – Исцеление недужных. – Возвращение в Вифанию. – Намерение первосвященников умертвить Иисуса Христа и Лазаря. – Размышление о входе в Иерусалим.

Весть о возвращении Иисуса Христа в Вифанию немедленно достигла Иерусалима и пробудила во многих решимость идти туда, чтобы скорее видеть Иисуса ([Ин. 12, 9](#)). Покой субботнего дня, простертый фарисеями до нелепых излишеств ([Лк. 13, 15, 14:5](#)), не

позволял отправиться в путешествие сразу; только одни саддукеи, по традициям своей секты, могли нарушать его безнаказанно; но на другой день рано поутру Вифанию наполнили толпы людей, большая часть которых пришла изъявить свое уважение великому Чудотворцу, а некоторые – понаблюдать за Его поступками ([Лк. 19, 39](#)), чтобы донести о них синедриону. После Иисуса главным предметом любопытства был Лазарь ([Ин. 12, 9](#)) – и как непосредственный свидетель всемогущества Иисусова, и как пришелец из той страны, куда от начала мира все уходят, не возвращаясь. Чем только не интересовалась праздная любознательность фарисейских и саддукейских совопросников, которые в своих синагогах непрестанно судили и рядили о будущей жизни: как живут умершие, какие у них вечери, велико ли лоно Авраамово, остаются ли там в силе узы родства...

Иудеи, пришедшие в Вифанию, не верили, что Иисус Христос осмелится придти в Иерусалим. Тем приятнее было им узнать, что Он намерен идти туда в этот же день. Такое намерение показывало, что Он не хочет более скрывать от последователей и врагов Своих цель Своего служения, решился торжественно перед всем Иерусалимом объявить Себя Мессией и, следовательно, совершенно уверен, что настроенный против Него синедрион не в состоянии Ему противостоять ([Мк. 11, 10](#); [Лк. 19, 36–38](#)). Все это было очень приятно для народа, который давно с нетерпением ожидал, когда служащий предметом всеобщих ожиданий Пророк объявит Себя Мессией. Мысль сопровождать Иисуса Христа при Его входе в Иерусалим, быть свидетелем того, какое впечатление произведет Его появление на синедрион, разделять с Ним опасность и славу этих величественных минут – эта мысль заняла теперь воображение и сердце каждого – и Иисус с самого выхода из Вифании уже окружен был толпой усердного народа, готового оказать Ему все почести.

Дойдя до места ([Мк. 11, 1](#); [Лк. 19, 29](#); [Мф. 21, 1](#)), напротив которого находилась Виффагия, небольшое селение, видное и из Иерусалима, на северном склоне горы Елеонской, Господь остановился и подозвал к Себе двух учеников (Петра и Иоанна). «Идита», – сказал им, – «в весь, яже прямо вама; и абие входяща в ню обряцета осля привязано и жребя с ним, на неже никтоже николиже от человек вседе: отрешивша приведита Ми, и аще кто вама речет: «Что творити сие? Почто отрешаета?» – сице рцете ему: «Господь требует е»; и абие послет е семо» ([Мф. 21, 2–5](#); [Мк. 11, 2–3](#); [Лк. 19, 29–31](#)). Такое поручение, несмотря на его незначительность, было не совсем обычно – Иисус Христос всегда ходил пешком, до Иерусалима было недалеко, а между тем, теперь нужно было идти за ослицей, как бы для какого-либо дальнего и

утомительного пути! И как дивно было слышать из уст Иисуса: **«Господь того требует!»** Но ученики не в первый раз были изумлены поступками своего Божественного Учителя и привыкли понимать цель их уже из последствий; посланные тотчас пошли в Виффагию, нашли ослицу с осленком на том самом месте, о котором говорил Иисус; предстоящие действительно спросили их, зачем они берут ослев; и когда они отвечали, как им было велено, то беспрепятственно отпустили их. Такое точное соответствие события с предсказанием еще больше должно было удивить учеников, если бы они уже не привыкли к необычному. Сын Божий начинал являть Божественную славу Свою даже в маловажных, по-видимому, обстоятельствах, потому что скоро должно было последовать величайшее затмение Его Божества.

Иисус, между тем, оставался на том же месте, откуда отправил учеников. Число народа, Его окружающего, час от часу увеличивалось: жители Иерусалима и богомольцы, пришедшие на праздник, узнав, что Он идет в Иерусалим, шли Ему навстречу многочисленными группами ([Ин. 12,12–13](#)).

Посланные вернулись. По усердию и чтобы удобнее было сесть на осленка, ученики покрыли его своими верхними одеждами. Когда Учитель воссел, прерванное шествие снова продолжалось с медлительностью, которая свойственна этому роду езды. Теперь великий Пророк не скрывался уже в народной толпе, был виден всем, и шествие, при всей простоте своей, являло собой нечто торжественное и священное еще и потому, что в древности животные, не носившие на себе ярма, выбирались для священных обрядов; в частности, осел издревле на Востоке служил символом мира, никогда не участвовал в войне и в сражениях. Поэтому один взгляд на Иисуса Христа вдруг напоминал теперь внимательному человеку слова пророка Захарии, который, описывая царство Мессии, говорит: **«Рцыте дочери Сионове: се царь твой грядет тебе кроток, сидя на жребяти осли»** ([Зах. 9,9](#))⁴². Такое согласие Господа с желанием народа как можно скорее видеть Его царем, еще более воодушевило сопровождавших Его людей и придало им смелость выразить перед Ним всю полноту своего усердия самым торжественным образом. В порыве восторга одни начинали срезать пальмовые ветви и, потрясая ими в воздухе, бросали их на дорогу перед Иисусом; другие снимали с себя платье и стелили его под копыта осленка. Один старался превзойти в усердии другого. Подобно этому был встречен в Иерусалиме грозный завоеватель света Александр Великий; почти так же приветствовали некогда царя Агриппу – так хотели почтить теперь и Того, Кто был воплощением всех надежд для бедствующего Израиля.

Пальмовые ветви привели на память праздник Кущей, а вместе с ним известный псалом Давидов, который пели в продолжение его. Как поразительно сбывалось содержание этого пророческого псалма в настоящем событии! – Иисус Христос, грядущий в Иерусалим, но отвергаемый синедрионом, видимо, прообразовал Собою тот «камень, пренебреженный зиждущим», который, по слову Давида, должен соделаться во главу угла и быть дивным в очах всего народа иудейского (Пс. 117, 22–23). Настоящий день, думали, покажет это. Подлинно, «Сам Господь сотворил его, чтобы нам радоваться и веселиться в онь» (Пс. 117, 24). Среди подобных мыслей любимый псалом, который все знали наизусть, неприметно переходил из уст в уста; особенно некоторые стихи его, так прямо выражавшие настоящее событие. Со всех сторон начали раздаваться слова псалма: «Осанна Сыну Давидову! Благословен грядый во имя Господне! Осанна в вышних!»

Всеобщий восторг еще более усилился, когда подошли к последней возвышенности, с которой теперь нужно было спускаться вниз до самого Иерусалима (Лк. 19, 37). Это было одно из лучших мест в окрестности – Иерусалим был виден, как на картине: справа, над ужасной бездной возвышался храм Иерусалимский и из-за многочисленных, сияющей белизны, мраморных столбов своих казался искусственной громадой льдов, с золотым куполом, от которого лучи полуденного солнца отражались, по замечанию Флавия, бесчисленными молниями. Наружное великолепие его живо напоминало счастливые времена Давида и Соломона, но он был уже окружен мерзостью запустения, которая вскоре должна была стать на месте святе. Украшенная орлами римскими крепость Антония, с ее огромной башней, господствуя над высотой храма, казалось, подчеркивала унижение, в котором находился народ Божий. Тут же являлась взору претория Пилатова; но дворцы первосвященников казались удаленными и были отделены от храма пропастями, как бы в знак внутреннего удаления их обитателей от Бога отцов своих. Останки дворцов Давида и Соломона уже едва были заметны во множестве новых зданий. На фоне этих картин, каждая из которых приводила на память и древнюю славу, и настоящий позор отечества, – взоры всех невольно обращались на Иисуса, Который, видимо, нес с Собою Иерусалиму его прежнее святое величие. Надежда на славное царство Мессии, казалось, готова была сбыться. «Так, – думали люди, – Он примирит нас с Богом, раздраженным нашими неправдами! (Лк. 19, 38.) Он восставит царство праотца нашего Давида! (Мк. 11, 10.) Под сенью Его мы снова насладимся миром, не будем рабами язычников!» И полнота патриотических чувств снова выражалась в восклицаниях; со всех

сторон сыпались ветви, цветы и одежды; чаще и громче раздавалось «осанна».

Господь не препятствовал этому искреннему и радостному излиянию чувств, происходящих из пламенной, хотя несколько мечтательной любви к Нему и отечеству, и считал это следствием не просто обыкновенного стечения обстоятельств, а тайных, давно предсказанных пророками распоряжений самого Промысла, который так обращал внимание Иерусалима и всего народа на пришедшего Мессию. Думая таким образом, Он не мог не принять глубокого и сердечного участия в том, что происходило вокруг Него.

Но для фарисеев (некоторые из них тоже вышли навстречу Иисусу для обычных своих наблюдений) такое зрелище народной любви было нестерпимо. Чувство патриотизма, столь сильно выраженное в настоящем поступке народа, препятствовало осуждать Его явно. Может быть, даже фарисеям не хотелось обнаружить публично свою неприязнь к Иисусу, Который, судя по происходившему, как они думали, мог легко сделаться их повелителем. Поэтому лицемеры сделали вид, который не знающему их истинного отношения к Иисусу мог казаться беспристрастным, даже дружелюбным. «Учитель! – заметили некоторые. – Может быть, стоило бы остановить и унять учеников», то есть хитрые лицемеры как бы хотели предупредить Иисуса, что подобные восклицания народа, называвшего Его Сыном Давидовым, могут быть опасны как для Него, так и для окружающих со стороны римского правительства ([Лк. 19, 39–40](#)).

Сердцеведец знал, из какого сердца исходит мнимое предостережение; но теперь не время было обличать лицемеров. Не так бы начали рассуждать они сами, если бы видели, подобно Ему, всю важность настоящих событий, их прямое соответствие предвечным судьбам Промысла. **«Аще сии умолчат»**, – отвечал Он, – **«камень возопиет»!** То есть так суждено свыше.

Но эта великая и святая тайна Промысла, совершившаяся теперь над Иисусом Христом, была бесконечно выше ума слепых книжников иудейских; и фарисеи из ответа Иисусова скорее могли заключить, что Он как потомок Давида твердо решил требовать престола Давидова и потому открыто позволяет Себе и народу то, что в другое время было бы опасной неосторожностью.

Народ, при всеобщем пении и восклицаниях, вероятно, не слышал ответа, данного фарисеям. Если Господь не хотел прекратить восторга народного, то и не расположен был поощрять его. Несмотря на благосклонное отношение к знакам народной радости, Его настоящие чувства теперь очень отличались от радостных чувств, которыми воодушевлен был народ. Сын Человеческий ясно видел, что настоящее

торжественное «осанна!» скоро будет заменено неистовым воплем «распни, распни Его!» Одно этого предведения достаточно было, чтобы изгнать из сердца всякую радость. Но не собственная участь занимала Его теперь: Он помышлял о несчастной судьбе Своего отечества. Как мрачна и ужасна она была в будущем! – иудейский народ отвергнет Его и вместе с ним лишится благоволения небесного; настоящий день, который должен был служить началом благоденствия для его соотечественников, станет началом ужасных бедствий для всего Израиля. Сколько причин для скорби Того, Кто пришел на землю собрать в одно благословенное стадо весь род человеческий, сознавая, что на Нем лежит вместе с тем и особенная обязанность – заботиться о благе погибающих овец дома Израилева! ([Мф. 15, 24.](#))

На последнем спуске с горы, где дорога идет мимо Гефсимании, Иисус остановился ([Лк. 19,41](#)). На Божественном лице Его, дотоле ясном, обнаружилась глубокая скорбь. (Окружающие могли заметить это и, в ожидании чего-либо с Его стороны, на время умолкли.) Господь в молчании глядел на Иерусалим, как бы ища в нем признак жизни духовной; показавшиеся слезы возвещали, что поиски были тщетны: «О, если бы, – воскликнул Он наконец от полноты чувств, – о, если бы ты, хоть в этот день твой, уразумел, что служит к спасению твоему! Но это и ныне (как прежде) сокрыся от очию твою (только твою)! **«Приидут дние на тя»(Я вижу их: они недалеко), «и обложат врази твои острог о тебе, и обыдут тя, и обымут тя отвсюду, и разбьют тя и чада твоя в тебе, и не оставят камень на камени в тебе, понеже не уразумел еси време посещения твоего».**

Льющиеся слезы показывали, с каким глубоким чувством были произнесены эти слова. Ах, Кто говорил, Кто плакал таким образом об Иерусалиме, Тот не был, как клеветали фарисеи, обольстителем народа, не желал бедствий Своему отечеству!

Шествие продолжалось. При входе в город Иисус окружен был еще большим количеством народа, так что, когда Он вошел в Иерусалим, то, по выражению святого Матфея, **«потрясся весь град»** ([Мф. 21, 10](#)). Всякому хотелось знать, кто это идет с такой торжественностью. Тем более, что сопровождавший Господа народ с радостью кричал в ответ, что это Иисус, великий Пророк из Назарета!

Шествие направилось прямо к храму, который всегда служил единственным и естественным пристанищем Сына Божия. Так, впрочем, поступали и все путешественники, когда приходили на праздник, желая прежде всего явиться, так сказать, лицу Бога отцов своих. Войдя в храм, Господь осмотрел его ([Мк. 11,11](#)). Можно было подумать, что Он, как Господь храма, вполне вступил в права Свои и намерен требовать отчета у тех, кому храм вверен был в Его отсутствие.

И для обыкновенного ревнителя благочестия, тем более для Сына Божия были видны многочисленные нарушения уставной жизни храма Иерусалимского, которые требовали исправления; но оно отложено было до следующего дня, как бы для того, чтобы не нарушать торжественности дня настоящего. К новому посетителю и Владыке храма немедленно собрались, как меньшие братья Его, хромые, слепые и болящие, которые всегда находились при храме; всем им было преподано исцеление ([Мф. 21, 14](#)). Такое обилие чудес еще более должно было увеличить всеобщую радость: торжественное «осанна!» зазвучало в самом храме. Особенно трогательное зрелище представляли малыши, которые, подражая старшим, повторяли: «Осанна Сыну Давидову!» Псалом, из которого взяты эти слова, они знали наизусть, так как в праздник Кущей его пели целыми семействами. Среди общего восторга им казалось, что вместе с Пасхой наступил теперь и этот праздник, в обрядах которого было так много символического и занимательного, особенно для детей. Иисус Христос всегда благоволил к детям, в которых природа человеческая является в простоте и откровенности, дорогой для доброго сердца. Но первосвященникам и книжникам детские восклицания в честь Богочеловека казались жалким триумфом, приличным только такому человеку, который, по собственным Его словам, не имел где подклонить главу. «Слышишь ли, – заметили с негодованием некоторые из них, – что они говорят? Какую честь Тебе оказывают?» – «А вы, – отвечал Господь, – разве никогда не читали в Писании: **«яко из уст младенец и ссуших совершил еси хвалу?»**» ([Мф. 21, 16](#).)

Слова эти содержали в себе и лучший ответ, и открытый упрек книжникам, потому что за ними в псалме следует: **«враг твоих ради, еже разрушити врага и местника»** ([Пс. 8, 3](#)). Ибо кто более враждовал против Иисуса, как не первосвященники и книжники?

Давид в этом псалме описывает величие Божие, настолько очевидное, что даже грудные младенцы чувствуют его и прославляют Бога. Иисус Христос, относя эти слова Давида к настоящему случаю, как бы говорил книжникам: вместо того чтобы недоумевать и издеваться над детьми, вам бы следовало устыдиться их безыскусственных восклицаний: эти малолетние, признавая Меня в младенческой простоте своей за Мессию, вразумляют своим примером вас – престарелых!

Враги и местники умолкли – и Господь беспрепятственно оставался в храме до окончания дня, вразумляя, вероятно, народ поучительными беседами. С наступлением вечера Он оставил не только храм, но и город и в сопровождении двенадцати учеников Своих удалился обратно в Вифанию. Там, среди друзей, Он мог отдохнуть после такого дня,

который был и для Иерусалима, и для Него Самого единственным и чрезвычайным.

Для учеников Иисусовых день этот прошел, как приятный сон. Высокая цель знаменательных действий их Учителя, по признанию одного из них, не была ими понята ([Ин. 12,16](#)). Находя в событиях этого дня так много совпадений со своим мнением о скором воцарении Учителя над Израилем, они не могли не думать, что, объявив Себя Мессией, Он станет действовать решительнее и, таким образом, скоро совершится их пламенное желание, то есть Его видимое воцарение над Израилем!

Вечер в Вифании после такого дня не мог быть проведен в молчании. В кругу учеников и друзей Господь, без сомнения, пояснял знаменательные события прошедшего дня; по крайней мере, сколько нужно было, чтобы изгнать ложную мысль, что Его торжественный вход в Иерусалим имел какую-то мирскую цель.

Как отрадно, без сомнения, было бы для Богочеловека теперь, в конце великого поприща Своего, раскрыть пред учениками и все прочие Божественные виды Свои, ввести их, так сказать, в самую среду великих судеб Божиих, которые в Его лице вскоре должны были совершиться! – Возвышенные души всегда тягостятся и скорбят, если не могут передать другим всего прекрасного и великого, зреющего в их глубине. Что же могло быть величественнее и святее решимости принести Себя в жертву за спасение мира, которая управляла теперь всеми действиями Богочеловека? И когда нужнее всего было дружеское участие, как не сейчас, когда, сообразно высокой цели искупления людей, из-за любви к истине и добродетели надлежало идти на крест? Но ученики и друзья Иисусовы еще не способны были вознестись на ту высоту, с которой Сын Человеческий взирал на Свое предназначение – быть Спасителем рода человеческого. Поэтому, при всем желании разделить с ними чувства Свои, Он должен был до самого креста скрывать в сердце Своем большую часть тех возвышенных истин, которые служили основанием Его великой деятельности. Только Отец Небесный зрел возлюбленного Сына во всей красоте Его нравственных совершенств; только сонмы премирных духов ([Ин. 1,51](#)) могли созерцать великую цель, для которой подвизался Сын Человеческий, – высоту и чистоту средств, Им употребленных, и то послушание и самоотвержение, по которому Он, «будучи в образе Божиим», благоволил смирить Себя до «смерти крестной».

Среди ночной тишины, в молитве перед Отцом, без сомнения, еще больше было пролито слез о несчастной участи народа иудейского, чем видели их на лице Богочеловека при торжественном входе в Иерусалим.

Вход в Иерусалим еще больше, чем воскрешение Лазаря, привел в замешательство врагов Иисусовых. Тот, Кого верховный синедрион осудил на смерть, Чье местопребывание должен был объявить начальству каждый под страхом строгого наказания, – Тот Самый перед лицом синедриона торжественно вошел в Иерусалим, провел полдня в храме, был почитаем как Мессия и удалился как победитель! Случай показал, что значит и как много может нравственная доблесть против коварства и злобы. Сын Давидов не имел ни одного служителя, который бы вступился за Него ([Ин. 18, 36](#)); легионы ангелов, всегда готовых прийти на помощь Сыну Божию ([Мф. 26, 53](#)), оставались безмолвными зрителями Его шествия; за Него действовали истина и правда; а между тем целый синедрион оказался бессилен против Него – признал себя побежденным!

Злоба онемела, но не умерла. Успех Иисуса приписывали собственному бездействию. «Видите ли вы, – говорили фарисеи старейшинам, – что ничего не успеваете по своей нерешительности? За ним идет весь мир» ([Ин. 12, 19](#)). Поэтому решено было действовать безотлагательно, но по-прежнему тайно, так как всеобщее расположение к Иисусу Христу не позволяло открыто применить силу. Немалая часть ненависти пала и на Лазаря, воскрешение которого было главной причиной того, что народ с таким ликованием встретил Иисуса; было решено снова отнять ту жизнь, которая была столь чудесно дарована ему вторично! ([Ин. 12, 10.](#))

Такие ужасные меры, на которые решились начальники синедриона, вызванные входом Иисуса Христа в Иерусалим, требуют дальнейшего рассмотрения этого события в его истинном значении.

Обозревая служение Иисуса Христа, вспоминая Его поступки до этого момента: как Он тщательно уклонялся от случаев, где усердие народа могло дойти до необдуманных действий в Его пользу; как часто самим последователям и ученикам Своим запрещал объявлять всенародно, что Он есть всеми ожидаемый Царь Израилев; как, наконец, постоянно отвергал всякие земные почести, не давал поводов думать, что Он претендует на престол Своих праотцов по плоти, – припоминая, говорю, все это и взирая на Иисуса Христа в продолжение настоящего дня, иной может решить, что Он вдруг совершенно изменил образ действия и намерен, сообразно всеобщим ожиданиям, действительно явить Себя видимым царем Израиля и восстановить престол Давида, хоть и не в таком плотском виде, как воображали многие из иудеев. Между тем, Божественный Учитель истины оставался неизменным, и торжественный вход Его в Иерусалим был совершен с полной уверенностью ([Мф. 20, 17–19](#); [Мк. 10, 32–34](#); [Лк. 18, 31–34](#); [Ин. 11, 7–16](#)), что через несколько дней в этом же Иерусалиме Его осудят на смерть, предадут

язычникам и пригвоздят к кресту как величайшего преступника. Какую же цель после этого преследовал столь необыкновенный поступок? Для чего допущено Богочеловеком, чтобы перед самым страданием и смертью воздан был Ему некий вид царственной почести, от которой Он постоянно уклонялся во время Своего служения? Подобным снисхождением Его к патриотическому восторгу народа, хотевшего видеть в Нем восстановителя престола Давидова, не могла ли поддерживаться в народе мечта о земном царстве Мессии, которую Он старался искоренять столь ревностно? Самим врагам Иисусовым не был ли дан через это благовидный предлог обвинить Его в каких-либо земных замыслах? – Вопросы эти, занимавшие еще св. Златоуста, обязательно должны остановить на себе наше внимание, потому что вход Иисуса Христа в Иерусалим не раз подвергался превратным толкованиям врагов христианства.

Евангелисты Матфей и Иоанн, повествуя о входе в Иерусалим, замечают (Мф. 21,4–5; Ин. 12,14–15), что в этом событии исполнилось предсказание пророка. Поэтому на вышепредложенные вопросы можно было бы отвечать (как и отвечали некоторые), что Спаситель, – Который еще Своему Предтече благоволил сказать, что Ему надобно **«исполнить всякую правду»**, а по Воскресении ученикам Своим объявил (Лк. 24, 25–27), что на Нем надлежало исполниться всему, написанному о Нем Моисеем и пророками, – восхотел исполнить и пророчество о входе Своем в Иерусалим, и притом буквально, чтобы те из иудеев, которые знали и понимали это пророчество (а такие были), не имели права сказать, что оно не исполнилось. Но таким ответом дело было бы решено только наполовину, потому что выражения евангелистов: **«да сбудется реченное пророком, да исполнится Писание»** и проч. – означают не причину события, а указание на пророчество о событии; и вообще Мессия делал то или другое не потому, что пророки представляли Его поступающим таким или иным образом, а напротив, пророки предсказывали различные Его поступки, потому что Ему надлежало по определенным причинам совершить их. Поэтому полный ответ на вопрос о цели торжественного входа в Иерусалим нужно искать не в предсказании, которое само зависело от события, а в существе и обстоятельствах самого события.

И действительно, обращая внимание на служение Иисуса Христа и особенно на Его отношение к народу иудейскому, нетрудно заметить, что такое событие, как торжественный вход в Иерусалим, было нужно, и нужно именно перед Его страданием.

Иисус Христос пришел на землю как Спаситель всего рода человеческого, но пришел как Мессия, обещанный предварительно народу иудейскому и среди него явившийся миру. Как обетованный

Израилю Мессия возвещен Он Пресвятой Деве Марии ([Лк. 1, 32–33](#)) при самом Его зачатии, а при рождении – пастухам вифлеемским ([Лк. 2, 10–12](#)), как обетованный Израилю Мессия указан Он Иоанну Крестителю ([Ин. 1, 33](#)), а Иоанном – народу ([Ин. 1, 36](#)); как обетованный Израилю Мессия Он учил, творил чудеса, обличал, пророчествовал. Кто из иудеев был внимателен к учению Иисуса Христа и Его деяниям и судил беспристрастно, тот давно мог признать Его в своем сердце Мессией, хотя бы и не слышал торжественного объявления о Его достоинстве. Но для большей части народа требовалось, чтобы Он Сам всенародно объявил Себя Мессией, предвозвещенным пророками: в народе господствовало даже мнение, что Мессия откроется хоть и внезапно ([Ин. 7, 27](#)), но так торжественно, что о Его приходе узнают все иудеи во всех концах света. В этом ожидании, конечно, было много мечтательности, но было и что-то справедливое, основанное на предсказаниях пророков и на самом существе дела; ибо явление такого великого и необыкновенного лица, как Мессия, по необходимости должно было стать общеизвестным.

Но это-то до сих пор и не произошло. Иисус Христос не только не именовал Себя прямо Мессией, но часто даже ученикам Своим запрещал называть Себя так перед народом ([Мф. 12, 16, 16:20](#); [Мк. 1:34, 44–45, 3:12, 5:43, 7:24](#); [Лк. 4, 41](#), 5и пр.), поступая в этом случае по плану Своей Божественной премудрости. Поэтому некоторые с истинным или притворным усердием говорили Ему громко: «Доколе души наши вземлещи? (Долго ли Тебе держать нас в недоумении?) Аще Ты еси Христос, рцы нам не обинуюся» (скажи нам прямо – [Ин. 10, 24](#)). Чтобы снять все недоумения, Сыну Человеческому надлежало явиться дочери Сионовой в полном виде Царя кроткого, чтобы она, отвергнув в Нем Жениха своего, не могла сказать, что отвергла Его по неведению. Вот в этом-то и состояла главная цель настоящего торжественного входа Иисусова в Иерусалим. Иисус Христос есть их истинный Мессия. Неоспоримым доказательством этого служат собственные слова Его, произнесенные Им перед воротами Иерусалима: «О, если бы ты хоть в сей день твой уразумел, что служит к спасению твоему!» Выражение «**день сей твой**» показывает чрезвычайную важность настоящего события для народа иудейского, важность, которую мы сейчас осмыслили. Действительно, этот день – с отвержением Мессии – навсегда решил судьбу народа Израильского. В таком случае, подлинно, если бы ученики умолкли, то заговорили бы сами камни. Так время было важно и невозполнимо!

Нетрудно понять, почему такое всенародное объявление – что Иисус Христос есть Мессия – должно быть сделано не раньше, чем перед окончанием Его служения. Прямым следствием этого был бы отказ

синедриона принять Иисуса Христа за Мессию, решительное преследование и Его смерть; но эта смерть была бы безвременной, потому что еще не было положено прочное основание Царству Божию на земле, для учреждения которого и явился Сын Божий. С другой стороны, если бы Иисус Христос, объявив Себя Мессией и, следовательно, по понятию народа, царем Израиля, оставался на земле дольше, то народ иудейский, вероятно, не удержался бы от беспокойных движений и поднял бы во имя пришедшего Мессии восстание против римлян. В данном случае краткость времени, прошедшего до страданий Иисуса Христа, не позволила мечтательности народной дойти до подобной крайности, а крест Его решительно полагал конец в последователях Его подобным замыслам. Независимо от этого нельзя не отметить, что для входа в Иерусалим избран был, и, конечно, не без особенного намерения, тот самый день (десятое марта), в который в каждом семействе избирали агнца, служившего «пасхой». Кто видел в агнце пасхальном не только памятный знак бывшего благодеяния Божия, оказанного праотцам иудеев в Египте, но и символ грехов всего мира (а такие люди были [Ин. 1:3,6](#)), – для того такое совпадение времени должно было быть весьма поучительно. В самом деле, после Своего входа в Иерусалим все остальные дни до Своей смерти Иисус Христос оставался среди народа уже не иначе как жертва, видимо обреченная на заклание: дни эти проведены были и Им Самим, и врагами Его именно в приговлении к Его смерти.

Что касается самого образа вошествия в Иерусалим и его подробностей, то в этом отношении все явно соответствовало древнему пророчеству, причем с величайшей мудростью ([Зах. 9,9](#)). Несмотря на неизбежную торжественность, все было устроено так, чтобы исполнение пророчества не послужило пищей для народной мечтательности о земном царстве Мессии. Между почитателями Иисуса Христа было немало людей важных и богатых, которые по одному слову Его могли бы доставить Ему все нужное для того, чтобы явиться дочери Сионовой в величии Царя Израилева. Но Он не делает этого: является всему Иерусалиму с обычной для Него простотой, смирением, даже убожеством, Его именуют царем Израилевым, Ему поют «осанна», перед Ним сыплют ветви, постилают одежды – почести, выражающие величайшую любовь, искренность и силу усердия... Но где торжественная колесница? Где вооруженные слуги? Где царские украшения? – Все это заменено двенадцатью учениками, столь же убогими, как и Учитель, ослицей и осленком, взятыми на время у других!.. Самый последний из владельцев никогда не являлся в такой простоте и убожестве, как теперь – Иисус! Все, чем был украшен вход

Его, состояло в непритворной радости и усердии народа и учеников Его, так что внимательный человек мог уже теперь видеть ту святую истину, изреченную впоследствии перед Пилатом, что царство Иисуса Христа не от мира сего.

Поэтому, вслед за отцами Церкви, можно сказать об этом торжественном входе, что целью Его было еще и намерение, одушевлявшее все поступки Иисуса, – уничтожить в уме Своих соотечественников мечту о земном царстве Мессии. В действительности, эта мечта была основана преимущественно на пророчествах, где Мессия описывается как царь. Иисус Христос всенародно показал теперь, как можно быть Царем-Мессией, описанным пророками, и в то же время быть совершенно чуждым земного владычества. После этого нет места такой ложной мысли, которая впоследствии распространилась среди иудеев, что пророчества о Мессии, по их резкой противоположности, можно согласовать, лишь допустив существование двух Мессий: одного – сильного, царя, Сына Давидова; другого – бесславного, страждущего и умирающего, от колена Ефремова. Иисус Христос, со Своим нравственно-духовным величием, со Своим страданием и смертью, совместил в Себе в данном случае то, что в предсказаниях пророков о Мессии казалось земным, частным и местным, – чувственное явление всему народу израильскому в виде царя, едущего на малом осле, – и принятие от Иерусалима всенародных почестей в качестве Сына Давидова.

Если бы, отметим еще, в торжественном входе Иисуса Христа в Иерусалим заключалось что-либо противное существовавшему тогда гражданскому порядку, что-либо неблагоприятное для правительства, то возможно ли, чтобы римская стража, всегда строгая, а особенно усугублявшая свою бдительность во время праздников, не обратила никакого внимания на этот вход? Но внимание не было обращено. – Возможно ли, чтобы это событие осталось совершенно неизвестным для игемона иудейского, человека подозрительного и весьма строгого, который для укрепления римской власти, не задумываясь, пускал в ход огонь и железо при малейшем подозрении? Но Пилат, как из всего видно, ничего не знал или не придавал значения этому событию. Не очевидно ли после этого, что, по мнению самой римской стражи и начальства, – свидетельство, сильнее которого нельзя и желать, – вход Иисуса Христа в Иерусалим не только не заключал в себе ничего противного римской власти и выгодам кесаря, но и не нарушал обыкновенного порядка вещей.

Обратимся наконец к самим врагам Иисусовым: кто сильнее их мог клеветать на Него? И кто был более готов любыми средствами погубить Его? Однако же, при всей злобе своей, они не осмелились поставить Ему

в вину вход Его в Иерусалим ни в синедрионе, ни перед Пилатом: так что дело это было чисто, невинно, свято.

святитель Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический

Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа